

Вырезка из газеты

БАКИНСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Баку

3

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

ПОЖИЗНЕННАЯ ЛЮБОВЬ

90-летие Узеира Гаджибекова вызвало огромный интерес не только к музыке, но и к личности замечательного композитора. Сегодня «Бакинский рабочий» публикует заметки поэта Вл. Кафарова о влиянии Уз. Гаджибекова на духовную жизнь поколения, которое уже не застало его и в глазах которого он стал легендарным.

ЭТИМ вечером, пройдя мысленно путь от его первой бакинской квартиры до высокого дома, в котором он жил до последних дней, и взглянув на мемориальную доску на стене этого дома, и увидев его не таким, каким он олит из бронзы у входа в консерваторию,носящую его имя, и не таким, каким он изваян в ряду других на открытой галерее Публичной библиотеки, а таким, каким он высится в Почетной аллее — вырастающим из земли, — я глянул наверх и, увидев, что в его последней квартире погас свет, молча сказал:

— Спокойной ночи!

И тут раздался первый звук Государственного гимна республики, и его волны поднимали меня вверх по Коммунистической, по которой он поднимался не раз еще тогда, когда она называлась иначе, — от нынешнего Президиума Академии наук, действительным членом которой он был, до филармонии, носящей имя его друга-сподвижника. Широкие волны его музыки поднимали и поднимали меня, и на третьем этаже старинного дома удивленно, как впервые, прочитав имя его ученицы и младшей соратницы, ныне также увенчанной лаврами и почетными званиями, которые были

у него, я вошел в свою комнату, и тут мелодия гимна слышалась, и я сел за свой рабочий стол. Только тут я понял, какое эхо таилось в гимне, созданном им.

...«Ночь разлуки» — так называется газель великого Физули по первым словам ее. И первая опера Узеира Гаджибекова — первая азербайджанская опера на открытой галерее Востока — «Лейли и Меджнун» — начинается этой мелодией и этими словами:

**Разлуки ночь в душе моей —
Кровавых слез течет ручей.
Мой стон лишает сна людей,
Неужто счастья не разбудит?!**

А современный поэт словно резюмирует музыку и текст, которые существуют как бы с незапамятных времен, и отвечает им словами сбывшейся надежды и гордости...

Каждая встреча, хотя бы заочная, с большим мастером и большим гражданином, приобщение к делу его жизни благотворны и памяты. Когда снимался новый цветной киновариант комедии «Аршин мал алан», по просьбе его постановщика Т. Тагизаде я перевел добрую половину (на большее не было времени) музыкальных номеров этой комедии, и наиболее удачными были, ка-

жется, бравые куплеты Султанбека.

Но все это было позже...

А вначале был старый, довоенный — тогда новый — патефон, двухсторонняя пластинка с увертюрой к опере «Кероглы» и вступлением к третьему акту (хор «Чейлибель»), ариями Ровшена-Кероглы и его подружки Нияр. Сейчас тот патефон с поднятой крышкой представляется мне макетом — прообразом Дворца музыки — с распахнутой сценой и покатыми покрытиями. Народного героя — поэта и певца — впервые представил мне, как и многим людям не только моего поколения, Узеир Гаджибеков. И когда, много позднее, мне поручили переложение на русский язык наиболее полного свода сказаний о Кероглы — дастана о нем, передо мною были не наш театр оперы и балета, и не Большой театр, где эта героическая опера прошла триумфально, а патефон — старый, довоенный, с двухсторонней пластинкой.

Вряд ли мне что-либо удалось в многолетнем труде над переводом эпоса «Кероглы», если бы не пожизненная любовь к нему, внушенная Узеиром Гаджибековым.

И в эту ночь, мысленно перелистывая уже не увесистый том — клавиры оперы «Лейли и Меджнун», которая была издана 16 лет тому назад и которую выпала мне честь впервые перевести на русский язык, а книгу судьбы ее автора, я еще раз понял, что ее не прочита-

ни за одну, ни за тысячу одну ночь, ибо это — целая библиотека книг, афиш, газет, программ и брошюр на десятках языков. Мысленно перечисляя работы и заслуги его, просто не веришь, что столько мог сделать один человек за одну — пусть и не короткую, но и не столь уже продолжительную жизнь.

Самед Вургун — его младший по возрасту собрат в искусстве, а нередко и соавтор — однажды объяснил природу появления выдающихся фигур того времени: «В прошлом дарования, как подземные ручейки, таились в народных пластах до поры, до времени, накапливаясь, и когда какому-нибудь таланту удавалось взрываться из-под спуда, то он бил как артезианский колодец — поднимаясь из дальних глубин до больших высот, ибо все ручейки и родники отдавали свою силу этому стремительно взлетающему потоку».

Таков мощный талант Гаджибекова. И многогранность его проявилась не только в том, что он был и острым публицистом, и вдумчиво-лукавым бытописателем, и теоретиком, и историком музыки, и организатором многих и многих нововведений — не сиюминутных, а основательных, долговечных. Он был наставником и учителем, его ученики и ученики его учеников — каждый по-своему — подчеркивают и высветляют блистательные грани этого драгоценного, редчайшего камня чистой воды.

Есть упорное устное предание, что Узеир Гаджибеков — один из прямых потомков великого Физули. Вот почему, наверное, он неоднократно обращался к образу и творчеству своего далекого предка и предтечи.

...Из-за того, что перевод оперы «Лейли и Меджнун» должен был быть эквиритмичным, то есть пригодным для пения (а тут свои тонкости, сложности и неизбежные потери), газель «Шоби-хиджран» («Ночь разлуки») загубилась непоправимо, и с этим пришлось смириться. Но чувство вины оставалось. И когда в кантате Дж. Джангирова «Физули» она встретилась, то я попытался перевести ее по возможности лучше, а когда она послужила вставкой к одноименной поэме Б. Вагабадзе, я перевел ее еще раз. Но с годами чувство неудовлетворенности не прошло, и у меня хранится рукописный вариант полного и наиболее приемлемого перевода газели «Шоби-хиджран».

Я думаю о вечном труженике, жизнь которого неотъемлемо от жизни его народа: между им и нами — не ночь разлуки, а дни и ночи бессмертия.

Фотографы и кинооператоры запечатлели и сохранили для людей его внешний облик. Художники и скульпторы приложили немало усилий и энергии, чтобы воссоздать его образ, а кажется, он сам и таился в глыбах мрамора и бронзы, и сам медленно прорастал из них. Он был человеком основательным, непоследственным, и когда я представляю его образ, то вижу пять складок на его лбу, как на нотном листе, и вижу капли пота, как нотные знаки. Это словно бы отрывок музыкальной фразы, которую он начал, но так и не успел закончить...

Владимир КАФАРОВ.